

Строганова Е.А. (Москва)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БУРЯТ И СОВРЕМЕННОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО (по материалам экспедиции

в Тункинский район Республики Бурятия).

Соприкасаясь с фольклорным наследием, исследователь неминуемо сталкивается с проблемой соотнесения услышанного с устоявшимися в науке представлениями о "традиционности" жанров, манере повествования, преимуществе оригинального текста перед переводом и т.п. Существует и определенный стереотип сказителя, согласно которому лучшим "информатором" считается представитель старшего поколения жителей сельской местности, желательна удаленность от центров цивилизации на значительное расстояние. В современных условиях, когда и сама "сельская местность" и ее жители значительно отличаются от тех "классических", которые застали основоположники фольклорных и этнографических исследований, имеет смысл подходить к подобным проблемам с несколькими иными позициями. В связи с этим хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, незаслуженно мало внимания уделяется такому пласту культуры, как современный фольклор и мифотворчество. Развиваясь, как это ни покажется парадоксальным, по "традиционным" фольклорным "канонам", они часто именно по этой причине таковыми и не воспринимаются.

В данной работе предпринимается попытка рассмотрения современных представлений бурят как особого пласта фольклора, наделенного специфическими особенностями, но в то же время неизменно сохраняющего традиционные свойства. Мы также попробуем отойти от некоторых устоявшихся фольклорных стереотипов в восприятии отдельных жанров и "информаторов". В качестве непосредственных источников используются материалы экспедиции 1994 года в Тункинский район Республики Бурятия и последние публикации сказок, легенд и преданий бурят¹.

Само понятие "мифотворчество" предполагает сосуществование нескольких пластов как во Времени, так и в Пространстве. В первом случае, "временным пластам", будут соответствовать определенные этапы общественного развития и, соответственно, сознания. Во втором - "пространственные уровни": версии известных общепурятских сюжетов, наложение на них специфических тункинских; и "местный", локальный уровень. Кроме легенд и преданий к "местному" уровню, на наш взгляд, следует отнести и такой фольклорный жанр, как "былички" (если пользоваться терминологией русской фольклористики). Под ними понимаются

некие рассказы о якобы имевших место в действительности встречах человека со всевозможными существами, обладающими сверхъестественными способностями, нечеловеческой силой, о привидениях, оборотнях, вампирах, невероятных встречах с кладами и т.п. "Действующими лицами" иного мира обычно бывают черты, лешие, водяные, банники, русалки и прочие. Одна из излюбленных тем быличек - встречи человека с "заложными" покойниками, в отличие от обычных, умерших естественной смертью ("иже покры вода и брань пожра, трус же яже обьят и убийцы убиша, и огонь попали; внезапно восхищенные, попадаемые от молний, измерзшие мразом и всякою раною")², живущие вблизи жилищ людей и всячески им вредящие.

Подобные представления существуют у многих народов, в том числе и у бурят: "Боохолдой - ... в узком слысле домовой, в широком - дух вообще, в которого превращается душа человека после смерти. Различаются разные категории Боохолдоев: 1) души (хунэнхэн) людей, умерших естественной смертью от старости или болезни. Они бродят около дома, на кладбище и по дорогам, проказничают, но не представляют реальной опасности для живых людей; 2) души людей, умерших в молодом возрасте или трагическим образом, которые причиняют горе и болезни своим ближайшим родственникам (халуунай)"³. Аналогичные "нашим" водяному и черту, соответственно, - уһанай боохолдой и шудхэр (ажарай).

Существует точка зрения, что быличка является более древней по сравнению со сказкой и "может рассматриваться как один из фундаментальных фольклорных жанров, исторически развивавшийся в другие жанры фольклора и повествовательного творчества"⁴. Несколько иной позиции в отношении быличек придерживается Е.С.Новик, относя их наряду с преданиями и мифами к жанру "несказочной прозы". При этом в качестве разделителя "сказочного" и "несказочного" выступает различная "временная" трактовка происходящего. В сказках "время подчеркнуто внеисторично ("некогда"), а место действия не определено", тогда как "различные или сходные сюжеты в сфере сказочной прозы соотносят события рассказа с определенным временным периодом"⁵. Таковым для мифов является начальное время Первотворения, для преданий - "квазиисторическое" прошлое, для быличек - настоящее или недавно прошедшее время. И хотя быличка легко может трансформироваться в сказку (в случае потери указаний на конкретное время, место, действующих лиц), возможен и обратный процесс - от сказки к быличке. Какие-либо рассуждения на тему, что древнее - сказка или быличка - считаются неоправданными, так как эти жанры всегда существовали синхронно⁶.

Итак, главное свойство быличек - сочетание в реальном времени и пространстве конкретных лиц, событий, обстоятельств и существ иного мира (реальность которых признается в той же мере).

В данном случае былички можно подразделить на те, достоверность которых безусловно признается рассказчиком, и те, в которых он несколько сомневается. Последнее чаще всего относится к событиям отдаленного прошлого или если не осталось никаких "доказательств" (кого-либо из родни действующих лиц, указаний, кто рассказывал эту историю прежде, где именно происходило событие). В таком случае добавляется: "...жила будто бы в здешних краях...", "...одни говорят, что вправду это было, другие - что нет...", "...а так ли было, нет ли - не знаю..."

Как уже говорилось, самый "верный способ" убедить слушателя в реальности событий былички - максимально их конкретизировать; чем больше упоминаний конкретных имен, названий, тем больше вероятность поверить в быличку, тем распространеннее она будет среди населения, тем дольше ее будут помнить и продолжать рассказывать⁷. Даже в случае потери этой конкретности, ее все равно стремятся воссоздать. ("...та-то шаманка как-то и приходится родней Хамаку".)

Если же событие имело место в относительно недавнем прошлом, то оно будет конкретизировано до мелочей. Так, рассказывая о приходе в свой дом "не помянутого ни по какому обычаю" погибшего воина-афганца, говорится и как звали его самого, и его родителей, и где они живут сейчас. Даже когда у разговаривающей с "гостем" женщины возникает сомнение в реальности его человеческого облика, после диалога все сомнения развеиваются: " - А почему у тебя на руках шерсть и ногти такие странные? - Это я брил их, оттого и так."

Иногда в доказательство приводятся "материальные свидетельства", оставшиеся после общения с подобными существами: "...прыгнула она ко мне на шею и стала давить. Я схватила за лапу и укусила, а в зубах коготь остался. Длинный такой, страшный. Я его потом всем показывала". Прием, кстати сказать, достаточно распространенный и в других жанрах⁸.

Таким образом, быличка занимает двоякое положение. С одной стороны, она действительно ближе к мифу, нежели к сказке, благодаря установке на реальность события, места и времени. С другой, в ней наблюдается "современность" рассказчика, слушателей и действующих лиц в реальном историческом времени, в отличие от мифического времени Оно. Не исключено, что архаичность былички связана не столько с "древностью жанра" и нали

чием в ней "приемов воздействия" на сознание человека, сколько с самим складом человеческого сознания - стремлением к мифологичности и подсознательной ориентацией на сакральное время. Согласно " классическому варианту", время Оно (в разных традициях - Мифическое время, Время сновидений, Золотой век, Потерянный рай, Время до Времени и т.п.) - время первотворения, первообразов, первопричин и первопредков; время установления норм общественной и социальной жизни. Вследствие некоего поступка связь с ним нарушилась и может восстанавливаться лишь в определенные моменты мирского времени и в определенном месте. На восстановление этой связи в земной жизни направлены все помыслы, этому же служат ритуалы, определенные обряды, праздники. О том же - в мифах, сказках, танцах. Причем, несмотря на постоянство промежутка от мифического времени Творения до момента повествования, сам период Изначальности может перемещаться в историческом, линейном времени.

Возможно как прямое, словесное указание на смещение - "Когда времена были прекрасны, Когда ирис зазеленел, Когда земля была талой, Когда кабан упитанным был, Когда Молочное море было лужей, Когда Сумбэр-гора была бугорком, Когда Одинокое дерево было ростком, Когда пятнистый олень был теленком, Когда вороной двухлетка был жеребенком, Когда в послушниках ходил Далай-лама..."⁹, так и косвенное, отраженное в сознании. В связи с этим хотелось бы несколько подробнее остановиться на одном, достаточно распространенном предании о переселении бурят и возникновении улуса Торы.

Обычно это предание связывают с проблемой происхождения одного из бурятских племен - хонгодоров (хонгоодор), живущих ныне на территории Аларского аймака Иркутской области, Тункинского, Закаменского и Окинского аймаков Бурятии.

Предание известно всем, с той лишь разницей, что одни знают его достаточно подробно, другие понаслышке; одни от стариков, другие прочитали в книгах.

Суть его такова. В Монголии шли войны и предки вынуждены были покинуть свою родину, отправившись на поиски нового местожительства в нынешнюю Бурятию. Но "земля в Монголии ждет бурят" и наступит время, когда они туда вернутся.

Детали несколько варьируются: название "местности" (Алтан Гадасы, Мунгэн Букуэ, Хатагой-то), направление переселения (на север, через Восточные Саяны, к р. Ангаре, оз. Байкал, оттуда - в Тункинскую долину; в Прибайкалье, Тунку, далее на северо-запад к Байкалу, к Иркуту и месту будущего Иркутска, оттуда в Аларскую степь), имена предводителей (Адай и Бахак; братья Турэ и Багшахы; Турэ и убитый им брат Даа-ноён).

Указание на конкретные имена и местности служит материалом для изысканий в области этнической истории бурят и в то же время для многочисленных споров. Так, существуют три основные версии происхождения хонгодоров:

1) это монголы (Г.Н.Румянцев, М.Н.Мильхеев); 2) это буряты (Ц.Б.Цыдендамбаев, Н.П.Егунов); 3) это тюрки (Д.С.Дугаров)¹⁰.

Не будем вдаваться в подробности, высказываться за или против, в данном случае нас это интересует не столько с точки зрения этнической истории, сколько с мифологической.

Если рассматривать данное предание опять-таки с "временной" позиции, можно сказать, что оно представляет собой частный случай циклического восприятия времени, свойственного, на наш взгляд, не только так называемому традиционному, но и вообще человеческому сознанию. Различия лишь в представлениях о самом цикле, его начальной точке и степени ориентации на это Начало.

Войны на территории Монголии, приведшие к переселению бурят, исторически относятся к XVII веку. Но существует и иное восприятие этих событий и времени, когда они происходили. "Земля в Монголии" - это сакральное Пространство, в котором жили первопредки, покинувшие ее в сакральное Время, и положившие начало новой жизни. И именно оно преобладает в народном сознании.

Возможно и иное отношение к конкретным именам и названиям - не столько как к историческим фактам, сколько как к фактам, подтверждающим происшедшее. А это, как уже говорилось выше, одна из характерных черт несказочной прозы, и мифов, в первую очередь.

Обратимся теперь ко второй части предания - будущем переселении на Прародину.

"Земля в Монголии ждет бурят" и до той поры на ней никто не может жить, ни монголы, ни китайцы.

Там калитки скрипят, собаки лают, голоса слышатся, а так-то нет ничего. Переселение будет проходить в три потока, но все достаточно быстро, один за другим (есть версия, что в один год). Существуют некоторые разногласия в последовательности потоков. Например, первый поток - люди лягут костями, второй поток - все доберутся благополучно и будут хорошо жить, третий поток - добьют русские. Или: первый - хорошо дойдут, второй - будет сложнее,

но все равно все доберутся до Монголии, третий - люди будут бежать в спешке, оставляя детей в люльке, стариков в постелях. Это самый трудный этап. Но суть неизменна: переселение произойдет под натиском русских. Они же и будут жить на нынешних бурятских землях. Когда это произойдет - точно не известно, но время близко. На это указывают следующие обстоятельства. Буряты в последнее время стали жить хуже, в частности стали возникать проблемы с землей - негде косить, картошку сажать. Хотя земли при этом раздаются совсем чужим людям (иркутским горожанам и русским) под дачные участки. Не последнюю роль играют и многочисленные браки с русскими, чья кровь "перебивает" бурятскую. Берез все больше расти стало - "А где растут березы, там живут русские". И это не единственное указание на связь между березами, русскими и будущим народом. Еще в 1890 г. Л.Залкинд, делая доклад в РГО "О древних могилах в окрестностях Селенгинска" упоминал легенду, связанную с "исконными" жителями тех земель. В интерпретации русских старожилов она выглядит следующим образом. "Давно, очень давно, когда в здешних местах не только русских, но и братских не было, по всему Забайкалью жили дикие люди - чужь. Жили они бедно, и Бог их знает, чем занимались: должно быть зверовали, а жили в землянках. И вот раз заметили они: стала в хребтах расти белая береза. Допрежь того не росла, а тут стала расти. И стали они промеж себя толковать, что худо им будет. Пошли к своим ламам, и те им сказали, что скоро придет белый человек и завоюет всех под свою руку. И решили они не даваться в руки белому человеку. Они поносили в свои землянки все имущество и детей, а на крыши натолкали камней. После этого они подрубили подпорки, да так и пропали все под камнями. По этому и находят в могилах людские кости, утварь и топоры каменные. Видно, совсем был дикий народ: железа не знали"¹¹.

Иногда, для "пушей достоверности" приводятся и "научные" обоснования. Это особенно характерно для представителей молодого поколения. Так, отмечают, что переход в Монголию оказывается еще в XVII веке предсказывал Нострадамус, а экономисты "просчитали", что современное состояние как раз близко ко времени перехода. Это якобы подтверждал и некий лама. Он же говорил, что не надо ни картошку сажать, ни дома новые строить, так как все - равно скоро уходить. Можно лишь копить в дорогу золото.

При этом называются либо конкретные имена предсказателей, либо откуда они родом, где работают, или каким иным образом подчеркивается достоверность услышанного ("Такая-то, она в Улан-Удэнском пединституте преподает экономику..."; "В

прошлом году в Улан-Удэ приезжал из Ленинграда лама, я его сама не слышала, но вот подруга рассказывала...").

То есть, принцип все тот же - как можно больше достоверности. Только учитывая современный уровень развития общества, информации и образованности населения, "факты" несколько варьируются. Отсюда - Нострадамус, экономист из пединститута, дачные участки и т.п. Подобные коррективы вносятся и в иные сказания, близкие мифам, или даже в сами мифы ("...И Турэ тогда замазал матери глаза столярным клеем..."; "...Через два-три года к Турэ приехала жена брата с двумя детьми. Она вышла к станции

Мурино..."; "На той горе течет живая вода, вечная вода. Ее сторожит дракон и достать может только ворон. Если сверху самолет летит, то гора его к себе притягивает, как магнитом...").

В какой-то мере утверждение, что современное положение близко к тому, когда должно свершиться переселение, оправдано. Вернее, современная ситуация располагает именно к такого рода миллениаристским настроениям. В термин "миллениаризм" мы вкладываем тот же смысл, что и П.Уорсли, не акцентируя внимание на том, что ожидаемый период благополучия продлится именно тысячелетие.

"Есть не мало примеров, когда в мифологии данного народа можно найти массу сказаний, весьма сходных с миллениаристскими представлениями" 12, но чтоб они стали основой для широкого распространения и какого либо движения, нужны определенные предпосылки. Основная - неудовлетворенность общественным строем и стремление к лучшей жизни 13. Вторая реальная основа - в сфере "столкновения культур", особенно если со стороны одной из них чувствуется давление. Ситуация становится более благоприятной для развития миллениаризма - если "более слабая" культура чувствует себя ущемленной, изолированной или разделенной на отдельные группы. Движение расцветает тогда, когда общество для объединения и достижения лучшей жизни либо не способно ни на какие политические или военные акции, либо когда эти акции не приводят ни к какому успеху.

Если пользоваться классификацией П.Уорсли, то в данном случае лучше всего подходит третий тип миллениаристских движений: "когда государственный строй общества начинает разрушаться либо вследствие войны, либо по какой-нибудь другой причине, а также когда он перестает отвечать нуждам народа... когда общество с дифференцированными политическими институтами борется за свое существование совершенно земными военно-политическими средствами, но терпит поражение за поражением" 14. В такой ситуации легко возникает пророк или иной предвестник новой, лучшей жизни, которая должна наступить

после "локального конца света". Причем, ожидаемая жизнь не воспринимается абсолютно новой, обычно она каким-либо образом связывается с предшествующими, стародавними временами - временем предков, Золотым веком, т.е. с тем самым сакральным временем Оно, на возрождение которого и уповают.

Предание о переселении бурят связано не только с одним, самым загадочным по происхождению, родом хонгодоров. В равной степени на переселение указывают и генеалогические предания других из "семи западных" - хурхут, тэртэ, хойхо, сохэр, болбой. Кстати, одна из "торских" версий представляет собой смесь из нескольких преданий различных родов: тэртэ, сохэр и болбой. Это можно оценивать по разному: 1) как позднейшие наслоения и искажение известных ранее версий; 2) как указание на единое происхождение близких родов; 3) как восприятие общности бурят в целом, без акцентирования внимания на родовые подразделения.

В свете сказанного о миллениаристских настроениях уместнее всего последняя версия. (Кстати именно так и говорят - "земля в Монголии ждет бурят", не уточняя какие именно роды. И это опять же - характерная черта миллениаризма - стремление народа к единению для достижения общего благополучия.)

В связи со второй версией хотелось бы несколько подробнее остановиться на предполагаемом родстве хонгодоров и булагатов. Их этническое родство - вопрос спорный, в мифологическом же нет повода усомниться. Согласно последнему, Хонгдор (ровно как Хурхут, Шошолок, Хоогой и Ашабагад) является сыном Тугалага, правнука Буха-ноёна, легендарного прародителя булагатов 15. Его местопребывание - Тункинская долина, которая, по выражению К.Н.Герасимовой, считается штаб-квартирой важнейших божеств бурятского шаманского пантеона 16. Она же отмечает, что тункинские мифы о Буха-ноёне несколько отличаются от общеизвестных. Объясняется это, на ее взгляд, разной родовой принадлежностью рассказчиков. Так, тункинские версии основное внимание уделяют разработке сюжета борьбы быков - Буха-ноёна и Тарал Эрээн буха (Тарлыка), в отличие от булагатских, акцентирующих внимание на генеалогическом или тотемическом характере мифов. Вторая особенность - иная "географическая обстановка" (в границах Монголии, Халхи, Тунки и Закамны) 17.

Хотелось бы отметить еще некоторые интересные особенности. Так, общепринято, что Буха-ноён оставил свой образ на южном склоне Саян, напротив нынешнего села Торы. В самих же Торах (как и в некоторых других селах) считается, что названное изображение принадлежит Ринчин-хану, а Буха-ноён (Буха-ноён баабай) находится в другом месте - Туране (хотя и среди ир

кутских бурят бытует версия, что Буха-ноён оставил здесь лишь изображение, а сам "поднялся выше", например, в Кырен 18. Вообще, замена имени Буха-ноёна на Ринчин-хан допустима, так как считается, что это его ламаизированная форма. Однако, среди населения распространено мнение, что Ринчин-хан это женщина, бежавшая вместе с Буха-ноёном из Монголии. Характерно, что "Иринчин-ханда" одно из самых распространенных в здешних краях женских имен, в то время как мужское встретилося лишь единожды. Хотя этому возможно и иное объяснение. Согласно местной легенде, на тункинских женщинах лежит проклятие и лишь Ринчин-хан своим присутствием хоть как-то его нейтрализует. Именно к нему весной обращались незамужние и бездетные женщины, выпрашивая семейное благополучие и потомство. Наречение девочки именем покровителя могло заранее оградить ее от проклятия.

Еще одна деталь - иная трактовка цвета быков, точнее самого Буха-ноёна, - красный вместо сивого (с чем иногда и связывают его иное местопребывание - Улаан Хада (Красная Гора)). Цвет же его противника остается неизменным - пестрым.

Согласно одной версии, у Буха-Ноёна есть дочь - Эрхэ Шуубэн, за которую сватались хозяин Тункинской долины - Хан Шаргай и хозяин Ангары - Сагаан-Ноён. Саган-Ноён похитил Эрхэ Шуубен, увез ее на остров Ольхон и выдал замуж за среднего сына Эрлен-хана (хозяина Ольхона) 19. Отголоски этого мифического союза нашли своеобразное преломление в нынешних представлениях бурят о "тункинско-ольхонских" браках. Среди части бурят (торские) распространено мнение, что "иркутские" стремились брать в жены именно тункинских девушек, так как "тункинские горы сильные и не пускают к себе бохолдоев из других мест". Однако, похоронена женщина должна быть в родных краях, в противном же случае это могло обернуться несчастьем для ее родственников или даже для всей округи. Так, упомянутое выше, в связи с покровительством Ринчин-хана, проклятие, было наложено некой женщиной (варианты - шаманкой, дочерью тайши Хамака), похороненной не так, как она просила.

Если же "иркутская", выйдя замуж, переезжала жить в Тунку - это воспринималось как дурное предзнаменование для ее мужа - смерть в молодом возрасте. (Кстати, по моим наблюдениям, что если у умершего до 50 лет жена была с Ольхонского района, смерть объясняли именно этим, вне зависимости от реальной причины).

Не исключено, что "ольхонские" придерживаются совсем иной точки зрения, так как пока мы осведомлены только о мнении одной стороны. Однако, если учитывать, что хозяин Ольхона - Эрлен-хан считается одновременно владыкой загробного мира и

"дверь смерти" находится на северо-востоке (аналогично расположению Ольхона по отношению к Тунке), описанные выше представления имеют определенный смысл.

***** Высказанные соображения носят предварительный характер и

требуют более тщательной разработки и привлечения дополнительного материала. Пока рано делать выводы и подводить итоги. Поэтому в данной ситуации представляется более уместным вместо заключения предоставить вашему вниманию некоторые образцы современного фольклора, зафиксированные летом 1994 г. в с.Торы Тункинского района Бурятии.

***** " Жил в Халха-Монголии Улын-хара-батор. У этого батора

было два сына. Старшего звали Турэ, младшего - Даа-ноён. Этот старший брат был очень дерзкий, с соседями не ладил, все хотел с ними воевать, земли их отобрать. И чтоб настроить соседей против себя, он однажды убил своего младшего брата, отрубил ему голову и спрятал ее в хвосте лошади. Потом пошел к ламе и стал жаловаться, что его брата убили и просил разрешения отомстить. И этот лама Бакша разрешил ему. Турэ собрал войско в 200-300 человек, дал им копья, они стали биться и Турэ был побежден. И его прогнали с его родных мест, и до сих пор, говорят, в Монголии есть такое место, где никто не живет, ни один монгол не может жить там. Называется это место Хотогой-то. Собаки слышатся будто лают там, коровы мычат, а так-то пусто, никого нет.

Турэ ушел из родных мест, по дороге украл целый табун лошадей, хозяином которого был Соохыр-Ноён. Потом Соохыр-Ноён за ним погнался, а он, видимо, не один поехал, взял с собой мать. Соохыр-Ноён стал догонять Турэ. И Турэ тогда замазал матери глаза столярным клеем и посадил ее на дороге. Соохыр-Ноён подъезжает к этой женщине и спрашивает, видела ли она такого-то человека. Она ответила, что нет, так как она и не видит. И Соохыр-Ноён поехал в долину, где течет 73 реки и речки. И поехал еще дальше, и заблудился, и очень мучился, и не мог оттуда выбраться. И еле-еле вышел к истоку реки Ангары. Никого не видно было. Вдруг один воин Соохыр-ноёна увидел свежие щепки на воде и сказал своему ноёну об этом. И он догадался, что здесь кто-то есть. И Ноён приказал искать. И вот на реке Ангаре, где берет она начало, жил Дэргэ (Дэргэй). Он был шаманом. Этот Дэргэ сказал, когда Соохыр-ноён приехал: "Вы не сможете перейти эту реку". И тогда Соохыр-Ноён очень рассердился и превратил Ангару в лед. И по этому льду они перешли на другой берег. Соохыр-Ноён спрашивает у Дэргэ, не видел ли он Турэ. Ничего не ответил Дэргэ. Соохыр-Ноён был жес

токий, начал бить Дэргэ и тогда Дэргэ-шаман сказал: "Вы меня сможете убить, вы меня убьете только тогда, если положите на мою голову послед женщины". Тут же нашлась женщина, которая недавно родила, и послед положили на голову, и голова оторвалась и превратилась в рыбу - Туула. И эта рыба упала в воду Ангары, потом перешла в Иркут и теперь есть в Тунке. Соохыр-Ноён не отставал, все хотел догнать Турэ и отомстить. Приехал в Тунку, чтобы сообщить бурятам. Пришел к Буха-Ноёну-баабай. А там в котле варятся три человеческие головы (видится ему так). Соохыр-Ноён понял, что Тункинским горам (духам) приносятся человеческие жертвы. Понял это и попросил помощи у Буха-Ноёна. Буха-Ноён сказал, что не может покарать человека, который первым не начинал войну. Этот Турэ против Буха-Ноёна ничего не сделал плохого, и он ничего с ним сделать не может. И Буха-Ноён сказал, что Хан-Шаргай спасет жизнь Соохыр-Ноёну. (Сохыр-Ноён плохо чувствовал себя, видно совсем плохо было). Тогда он убил одного воина и принес жертву. После лег отдохнуть и уснул. Потом просыпается и видит двух всадников, которые к нему приближаются. Спрашивает: "Что вы видели?" Они отвечают: "Опять

двое всадников поехали и везли с собой человеческую голову". Тогда Соохыр-Ноён очень рассердился и говорит: "Почему вы меня не разбудили, это ведь увезли мою душу. И собрал оставшееся войско и поспешно поехал в Монголию, на родину, и вскоре умер там.

В это время Турэ искал место, где обосноваться. В Туле (это на границе с Иркутской областью) хотел жить, а там росли березы, а там где растут березы, живут русские. В Мооте хотел жить, а там тоже березы росли. Потом приехал в Торы. Хамак место называется. И там обосновался (Место это сейчас за Торами, в сторону Аршана как ехать. По левую сторону от дороги растёт единственная на всю округу лиственница. Там жил Хамак. Это место священное, раньше очень почиталось, около него обязательно останавливались, брызгали. Сейчас тоже, кто знает - останавливается.)

В это время жена убитого брата (у нее был сын и дочь) не смогла тоже жить в Монголии и пришла к Турэ. Долго его искала. По дороге мерзла, хотела сына бросить. Посадила его на высокую лиственницу. И потом увидела Байкал (Буряты ведь Байкал морем называют - Жедале) и подумала, что тут они не умрут с голода и вернулась за сыном. А сын не хотел слезать с дерева (обиделся, видно, что хотела бросить его), еле-еле сняла с дерева. Долго искала она Турэ. Еле-еле нашла и они начали жить в том месте (где стоит лиственница). Мальчик стал большим, начал охотиться. С дядей все время охотился и он его учил, воспитывал. Однажды увидел он во время охоты стремя, которое висело между небом и землей. И спрашивает у дяди "Что это такое?"

- "Это как раз то, что тебе надо." По тому стремени он поднялся на Небо и с тех пор, говорят, что Баяд-Нойон произошли (спустились) с Неба (Начало берут с Неба.)

Этого мальчика звали Тайжа (Тэйжа) (Имя ему дал Турэ). У Тэйжа было четверо детей: Хаабхэ (хаабхай), Яранги, Эмогут (Аймогут), Хоыхолды. Этих четверых сыновей посадил на земли. Жили они отдельно друг от друга. Старшему, Хаабхэ, даровал свое богатство; второму - чтоб был он хорошим охотником, хотя и беден; третьему - стать шаманом (и всем его потомкам); четвертому - всегда быть ноёном. И вот от имени Турэ и появилось слово Торы. В Торах раньше было четыре района, по именам братьев. Они и сейчас есть.

Хаабхэ - (где луга, за селом) Яранги - (Улица Ленина, тот край) Эмогут - (где маленькие улицы, Новая деревня) Хоыхолды- (где Камчатка)" 20

Записано Матуевой Евгенией Базыржаповной в 1990 г. от Холбоева Мижит Доржеевича (1907-1991) на бурятском языке. Устный перевод сделан ею же в августе 1994г., поэтому в тексте умышленно сохранены уточнения и собственные комментарии рассказчицы.

***** "Раньше в Зун-Мурино жил человек по имени Дамби. Его от

ца звали Балта. Этого человека (Балтын Дамби) никто в селе не уважал, все считали, что он всем вредит. Этот человек мог превращаться в птицу, кукушку или ворону. На чей дом сядет, в том доме должно что-то произойти плохое. Умрет кто, или заболит. Или незаметно в щель дома клал монеты и тоже там что-то должно было произойти.

Однажды он превратился в кукушку и сел на дом одного человека. Его звали Табзын Ардан. через два дня у него умер сын.

Раньше у людей были покровители - нэйжи. Пригласил дедушка Сунды Данзан-ламу, чтобы он стал нэйжи его сыну. Пригласил соседей и забыл пригласить Дамби. И у Сунды через некоторое время умер сын. Односельчане терпели, терпели, и терпение лопнуло, и решили они убить Дамби. Собрались в доме у одного, сварили мясо и позвали Дамби. Он с такой неохотой пришел, как чуял будто. Как только он начал есть, ему бросили на шею петлю. Собравшиеся все были люди сильные, и то еле-еле его одолели. Имена тех людей:

1) Малакшан Хын Дагба 2) Шархайн Дамнин 3) Сырэн (сын Харшайн Дамнина) 4) Шархайн Данзан 5) Агалин Чимит (Шимит).

Убили все-таки. Сели на сани и потащили за собой этого Дамби. Дошли почти до гор Долоон Гут (место такое - хребет). Умер Дамби. Но даже после смерти не давал он людям покоя. И люди решили еще раз его подавить. Специально долго молитву надо было читать, чтобы он успокоился. В Тунке не нашлось человека, чтоб его победить. И поехали тогда в Санагу (Забайкальский район). Там был такой человек, который мог его подавить.

В это время ехал из Санаги человек и по дороге услышал плач. И он посторонился, дал пройти. Мимо никто не прошел, но был слышен голос. Это душа Дамби ходила. Он успел убить 99 человек. Не хватало одного. Если бы он убил сотого -никто бы не смог его победить. Плакал он, так как не хватало одного. Если бы нашел сотого - тогда бы всех торских убил бы. И после этого всем, кто убил Дамби, всем их потомкам, не везет в жизни.

Например, Малакшан Хын Тагбе. Его дети живут в Торах. Дочь - Светлана Малакшанова, пошла как-то в баню, а ребенка оставила дома (он был инвалидом, потому не могла взять с собой). Приходит - а дом сторел. Сейчас она уехала на Север, не выдержала. Так там и живет. Со старшим сыном тоже чего-то случилось. Остался один Баир (Живет напротив Храмовой В.Г.). Так-то ничего живет, но..."

Записано от Матуевой Евгении Базыржаповны со слов своей свекрови /Суходаевой/ Матуевой Даримы (Ханды) Самбуевны (1915 г. рожд.).

***** "Если женщины поднимается на гору (Ринчин-Хан), сердит ся хозяйка горы. Там течет живая вода, вечная вода. Ее сторожит дракон и достать может только ворон. Если сверху самолет летит, гора его притягивает, как магнитом. Иринчин-Хан - это женщина. У нее восемь дочерей, а пришла она из Монголии. В Монголии шла война, землю друг у друга отбирали, и она бежала вместе с Буха-Ноёном (сейчас он в Туране). Тарлык - Пестрый бык - победил Буха-Ноёна, он в порыве бешенства боднул гору и сломал рог. Побежденный направился в Тунку, тропу сделал по дороге. Шел и мочился все время. На той тропе вырастали кедр. Место, куда пришел он называется Тэбэтэй. Места ему там мало показалось, везде деревья росли, тайга. Потом повернул, и дошел до Турана. Там деревья не росли, везде песок. Там буха-Ноён и остался. Тропинки, по которым он шел и где кедр выросли, называются "бычьи тропинки". А Красный (Улаан) Бык и Буха-Ноён это одно и то же."

Записано от /Суходаевой/ Матуевой Даримы (Ханды) Самбуевны (1915 г. рожд.) в 1994 г.

1 Небесная дева лебедь: бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск, 1992; Сказание о просторе. Москва, 1993.

2 Цит. по Зеленин Д.К. К вопросу о русалках (культ покойников, умерших неестественной смертью у русских и у финнов). // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1913. Москва, 1994. С. 231.

3 Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Москва, 1978. С. 23.

4 Найдыш В.М. Мифотворчество и фольклорное сознание. //Вопросы философии, 1994, N 2. С. 48.

5 Новик Е.С. К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока. // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 39.

6 Там же.

7 Небесная дева лебедь: бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск, 1992. Текст N 117.

8 Небесная дева лебедь... Иркутск, 1992. Тексты NN 61, 143.

9 Небесная дева лебедь: бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск, 1992. С. 119.

10 Дугаров Д.С. К проблеме происхождения хонгодоров. //

Этническая история Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993; Румянцев Г.Н. К вопросу происхождения бурят-монгольского народа // ЗБ-МНИИК. Улан-Удэ, 1963. Вып. XVII; Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972; Мельхеев М.Н. Карты расселения и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимике // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1963 и др.

11 Залкинд Л. О древних могилах в окрестностях Селенгинска// Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО, Т. XXI, N 1. С. 67-68.

12 Уорсли П. Когда вострубит труба. Москва, 1963. С. 305.

13 Там же. С. 303.

14 Там же. С. 285-286.

15 Бабуев С.Д. Из родословных закаменских бурят. Закаменск, 1993. С. 6.

16 Герасимова К. Н. Культ обо как дополнительный матери ал для изучения этнических процессов в Бурятии. // Этнографический сборник. Вып. 5, Улан-Удэ, 1969. С. 115.

17 Там же. С. 116-122. 18 Небесная дева лебедь... Иркутск, 1992. Тексты NN 41, 42, 43.

19 Там же.

20 В пос. Торы существует неофициальное "административно-территориальное деление". Например: "Шадара", "Камчатка", "Школьный двор", "Гараж", "Новая деревня", "Старая ферма" и т.п. Этимология их различна. Характерно, что в некоторых случаях название совпадает с прежним названием "местности" или родовым подразделением (Например, Хаамак, Зугулун).